

ДИАЛОГ «ИЗВЕСТНОГО» И «НОВОГО»: СТРАТЕГИИ ОПЕРИРОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫМ НАУЧНЫМ ЗНАНИЕМ

Ключевые слова: научная коммуникация, коммуникативная стратегия, прецедентное знание, маркеры научной прецедентности, гипотетическое знание, лингвистический дискурс, тематический дискурс, когерентность дискурса.

В статье анализируется коммуникативный потенциал сегментов общеизвестного, прецедентного лингвистического знания в структуре научной аргументации. Внутритекстовое смысловое взаимодействие различных эпистемических типов знания оценивается как проекция инсценируемого, заочного диалога автора-исследователя с представителями профессионального сообщества, с которым он себя идентифицирует и в котором стремится обрести профессиональный авторитет. Исходным пунктом лингвистического анализа тематических дискурсов является положение о том, что прецедентное знание как общие фоновые сведения об объекте известно всем специалистам в той или иной предметной области и поэтому с информативной точки зрения избыточно. Установлено, что подключение общеизвестного и общепринятого знания к процессу аргументации и формулированию результатов исследования мотивировано прагматически. Приемы оперирования сегментами такого знания рассматриваются как коммуникативные стратегии, нацеленные на решение автором-исследователем различных текущих задач: стимулировать продолжение научной дискуссии, артикулировать личный вклад в решение проблемы, дополнить или пересмотреть общепринятые положения, использовать авторитетную методологию как основу собственного анализа.

S. T. NEFEDOV

Saint Petersburg State University

DIALOGUE BETWEEN EXISTING AND NEW KNOWLEDGE: STRATEGIES OF PRECEDENT SCIENTIFIC KNOWLEDGE OPERATION

Keywords: scientific communication, communicative strategy, precedent knowledge, markers of scientific precedence, hypothetical knowledge, linguistic discourse, thematic discourse, discourse coherence.

The article analyzes the communicative potential of the segments of the well-known, precedent linguistic knowledge in the scientific argumentation structure. The intertextual semantic interaction of various epistemic types of knowledge is evaluated as a projection of the researcher's dialogue being modeled, absentee with the representatives of the professional community he identifies himself with and seeks to gain professional authority. The starting point of the linguistic analysis of thematic

discourses is the proposition that precedent knowledge as a general background information about an object is known to all specialists in a given subject area and therefore, from an informative point of view, is redundant. It is established that the connection of well-known and generally accepted knowledge to the process of argumentation and formulation of research results is motivated pragmatically. The methods of operating such knowledge segments are considered as communicative strategies aimed at solving of various current tasks by the researcher such as to stimulate the continuation of scientific discussion, to articulate personal contribution to solving a problem, to supplement or revise generally accepted provisions, to use an authoritative methodology as a basis for personal analysis.

1. Постановка проблемы и методология анализа

Границы дискурса устанавливаются двумя основными координатами: координатой функции и координатой темы. В классификации дискурсов обе координаты дополняют друг друга. При этом координата функции имеет внешний вектор направленности членения. Она «нарезает» глобальное дискурсивное пространство по коммуникативным практикам употребления языка в соответствии с социально и/или лично значимыми целями, интересами, намерениями, типичными статусно-ролевыми характеристиками участников и специфическими обстоятельствами общения. На этих основаниях выделяются социолингвистические типы дискурса в концепции В. И. Карасика. С одной стороны, В. И. Карасик разграничивает институциональные типы дискурсов, такие как политический, педагогический, религиозный, деловой, научный и другие функциональные разновидности дискурсов, с другой — персональные типы дискурсов, такие как бытовой и бытийный дискурс [4; 5, с. 250–304]. Координата темы, в свою очередь, ориентирована внутрь дискурсивной формации текстов и позволяет упорядочить вокруг единого смыслового стержня «виртуальные корпуса текстов», объединенные вокруг «одного предмета речи, темы, фрагмента знания или понятия» (перевод здесь и далее мой. — С. Н.) [15, S. 14], или — в несколько другой теоретической перспективе — «транстекстовые совокупности тематически сходных высказываний» [20, S. 126]. В этом последнем смысле можно говорить о различных тематических (предметных) типах дискурса, например в рамках политического дискурса выделять такие тематические разновидности, как дискурс «дизельного скандала», дискурс миграции в Европу, дискурс «Северного потока — 2», дискурс глобального потепления и другие. Если взять, далее, научный

лингвистический дискурс, то в его границах конституируются тематические типы, в которых обсуждаются многочисленные аспекты и категории языка. Многообразие предметных дискурсов в том или ином сегменте дискурсивного пространства вряд ли поддается точному исчислению и устремлено в бесконечность.

Дискурсы как совокупности тематически связанных друг с другом текстов, вербализующие человеческую познавательную активность и накопленный опыт в определенной предметной сфере, обладают внутренне присущей когерентностью. Когерентность дискурса создается референциально-семантической связанностью входящих в него текстов. Ее можно было бы иначе обозначить как внутреннюю дискурсивность, то есть повторяющуюся обращенность речевых субъектов к обсуждению одного и того же объекта с разных сторон, в разных проекциях и перспективах. Когерентность дискурса принадлежит к когнитивному уровню дискурсивного анализа, так как устанавливается в опоре на некоторую общую структуру знания, стихийно складывающуюся в разных текстовых манифестациях дискурса, но обращенную к одному предмету речи.

Обсуждая когнитивную природу когерентности дискурса (в терминологии автора — «discourse coherence»), Тальми Гивон указывает на то, что она формируется за счет двух источников: внешнего — коммуникации, коммуникативной практики и внутреннего — разноплановых языковых средств внутритекстовой связанности элементов на уровне текстового смысла, то есть «ментального текста, хранящегося в эпизодической памяти» воспринимающего субъекта [16, p. 125, 179].

В научной коммуникации когерентность предметно-тематических дискурсов, их внутренняя дискурсивность носит сущностный, методологический характер. По точному замечанию В. Е. Чернявской, научно-познавательный процесс с точки зрения познающего субъекта следует рассматривать не как «линейный вектор, а [как] познавательн[ую] спираль, по которой исследователь то идет поступательно вверх, то возвращается к уже известному..., интерпретируя „старое“ и „чужое“ знание для кристаллизации некоторого нового фрагмента [знания]» [14, с. 75]. Постоянное возвращение исследователя к одному и тому же объекту на новом витке его познания не противоречит объективной гносеологической реальности «поступательно-линейного формирования знания, когда

новое открытие опирается на предыдущее и неумолимо ведет к истине»¹.

Рекурсия и поступательность создают динамику в науке, в разработке научных знаний. В конечном итоге они являются причиной качественного многообразия типов научного знания о некотором объекте — типов, которые в ходе непрерывного научно-познавательного процесса вступают в диалогическое взаимодействие друг с другом.

В настоящей работе предпринимается попытка описать «диалог» наличного (общеизвестного в лингвистическом германистическом сообществе) знания и нового знания, еще не интегрированного в систему общедисциплинарного знания. Этот «диалог» не только формирует внутреннюю когерентность лингвистического дискурса, но и является ведущей коммуникативной стратегией представления и операционализации новых сведений об изучаемом объекте.

Следует отметить, что многослойность научного знания и характеристики отдельных его типов не раз становились объектом рассмотрения в разных исследовательских перспективах и в разных направлениях гуманитарных наук. По нашему мнению, наиболее полно представлены на сегодняшний момент следующие аспекты научного знания:

- 1) сущностные характеристики типов научного знания и их места в онтологии науки с общефилософских позиций (см., например: [3; 22]);
- 2) когнитивный и лингвокогнитивный подходы в рассмотрении знаний как понятийно-смысловой базы в механизмах восприятия и понимания текстовых сообщений (см., например: [17; 18; 12; 19]);
- 3) выделение эпистемических «блоков» научного знания в смысловой структуре научных текстов (см., например: [2; 6, с. 70–71]);
- 4) прагматика выдвижения нового научного результата в гуманитарных науках [13; 14].

Указанные линии в изучении типов научного знания, как они представлены в текстах различных тематических дискурсов, не покрывают, естественно, всего комплекса стоящих перед исследова-

¹ «...knowledge emerges in a linear step-wise fashion, each new finding building on the last and leading inexorably towards the truth...» [18, p. 30].

телями задач, составляют только часть «познанного» и могут быть продолжены по многим другим направлениям. В частности, автор данной статьи убежден, что широта научных обобщений при создании теоретических моделей изучаемого объекта должна дополняться более детальным анализом типов знания в естественных контекстах его формулирования. В этом смысле настоящая работа частично восполняет некоторые лакуны в рассмотрении феноменов наличного и нового знания в двух отношениях. С одной стороны, традиционный структурно-грамматический анализ в третьем разделе статьи дает систематизированные сведения о языковых маркерах при апелляции автора-исследователя к предпосылочному, широко известному в лингвистическом научном сообществе знанию. Такого рода сведения о диапазоне маркеров общеизвестности (прецедентного научного знания) позволяют более точно и обоснованно проводить сегментацию текстов по качеству эксплицированного знания и выделять важные для поступательной динамики науки сегменты, в которых представлен «объективно/субъективно новый личностный результат» [14, с. 75]. С другой стороны, социолингвистический анализ конкретных текстов на фоне сопряженных с ними тематических дискурсов продолжает лингводискурсивную линию изучения языковых структур как средств осуществления научной аргументации, намеченной автором данной статьи в более ранних публикациях [8–10].

Эмпирическую базу предпринятого анализа составляют сегменты лингвистического (германистического) дискурса — научно-исследовательские статьи и главы коллективных монографий — из предметных областей «коммуникативно-функциональная грамматика» и «(лингвистическая) прагматика», тематически близких научным интересам автора. Это последнее ограничение должно служить некоторой гарантией объективности проведенного анализа, поскольку, как надеется автор, он обладает более или менее полными фоновыми знаниями, чтобы дифференцировать «известное» и «новое» в соответствующих предметных областях.

2. Многослойность лингвистического знания

В лингвистических текстах фиксируется сложная структура научно-познавательного процесса и получаемых в ходе отдельных его этапов знаний. Эта сложность проистекает уже из того, что научное

изучение любого феномена, в том числе лингвистического, — это растянутый во времени и непрерывный процесс, у которого есть свое начало, некоторая история, актуальное состояние и потенциал развития. С общепhilософских позиций временной фактор в научной деятельности анализируется В. В. Ильиным [3]. Наряду с наличием альтернативных и конкурирующих друг с другом точек зрения на изучаемый объект временное измерение создает, по мнению этого ученого, «многоярусность науки» и, соответственно, многообразие типов научного знания. Рассматривая онтологический аспект функционирования науки и формирования научного знания, В. В. Ильин выделяет три базовых сегмента в «онтологии» (устройстве) науки как таковой: «науку переднего края», «твердое тело науки» / «эвидентный базис науки» и «историю науки» [3, с. 98]. Каждая из этих структур в общем «здании науки» опирается на характерный именно для нее тип знания: «наука переднего края» — на гипотетическое, еще не подтвержденное научным сообществом и дискутируемое знание; «эвидентный базис науки» — на нормативное, аксиоматическое знание, стабилизирующее и направляющее научные исследования; «история науки» хранит все когда-либо полученные результаты о некотором объекте: и подтвержденные, и опровергнутые полностью или частично знания [3, с. 95–99]. Следует особо подчеркнуть, что каждый из этих типов знания является значимым для научной деятельности и обладает своей эпистемологической ценностью. Даже устаревшее и вышедшее из активного использования знание может оказаться стимулом для продуктивной научной рефлексии и перспективной разработки проблемы в будущем.

В лингвистическом научном дискурсе и его тематических разновидностях естественным образом представлены все три типа знания, выделяемые на онтологических основаниях: нормативное, гипотетическое и устаревшее. Кроме того, по степени обобщенности лингвистическое знание может быть дифференцировано на следующие виды:

- общелингвистические аксиомы (*язык — это знаковая система*);
- общепринятые положения частных лингвистических дисциплин, например лингвистической прагматики (*выбор языковых средств из ряда альтернативных прагматически обусловлен*);

- знания, касающиеся конкретных категорий и единиц той или иной частной лингвистической дисциплины (например, знания о таких категориях прагматики, как *контекст*, *речевое действие*, *перформатив*, *дейксис* и так далее);
- знания о разных свойствах, аспектах и характеристиках отдельных категорий и единиц (например, знания о свойствах и типах контекста).

Разные по степени обобщения структуры знания образуют иерархически организованную концептуальную сеть и лежат в основании когерентности лингвистического дискурса. Когерентность тематических дискурсов воссоздается и поддерживается в коммуникации между представителями профессионального лингвистического сообщества, специализирующимися в том или иной предметной области.

3. Маркеры прецедентности в лингвистическом тексте

Между понятиями «прецедентное знание», «нормативное знание» и «наличное знание» складываются нетождественные логико-семантические отношения. При этом термином «наличное знание» обозначается самая широкая категория знаний, охватывающая все когда-либо полученные знания о том или ином объекте. Отношения между категориями «нормативное знание» и «прецедентное знание» допускают различную трактовку. Самый очевидный вариант интерпретации этих отношений — это отождествление «прецедентного знания» с «нормативным», что, по-видимому, действительно для многих прецедентных структур знания. Вместе с тем «прецедентное» в ряде случаев оказывается гораздо шире «нормативного», претендующего на вневременную стабильность и постоянное активное использование в научной дисциплине. Так, с одной стороны, общеизвестные теоретические положения, входившие в прошлом в «эвидентный базис» лингвистической науки, могут устаревать и терять статус нормативного знания в современной лингвистике. Таково, например, положение представителей сравнительно-исторического языкознания XIX века и его младограмматического направления о научности только диахронического изучения языка. С другой стороны, прецедентное знание, то есть известное на каком-то этапе исследования объекта значительному

кругу исследователей, может функционировать в лингвистических дисциплинах как активно дискутируемое и гипотетическое и не входить в категорию «нормативное знание». В качестве примера здесь можно привести хорошо известное в лингвистике текста и дискурса мнение В. Е. Чернявской об интертекстуальности как «однозначно маркированном эксплицитном диалоге „своего“ и „чужого“ текстов», а не «всяк[ого], даже отдаленн[ого] отношения между текстами по сходству тем, сюжетов, идей...» [11, с. 227–228].

В настоящей статье «прецедентное» будет пониматься в расширительном смысле и опираться на критерий известности того или иного фрагмента знания широкому кругу лингвистов независимо от его эпистемического статуса. Косвенным свидетельством прецедентности является отнесенность знания к известным теоретическим подходам прошлого и настоящего, а также высокая цитируемость работ того или иного автора, в которых это знание сформулировано. Как правило, прецедентное знание связывается с именами авторитетных в лингвистике исследователей и их научными работами. Как пишет по этому поводу В. И. Карасик, «[п]рецедентными текстами для научного дискурса являются работы классиков науки, известные многим цитаты, названия монографий и статей, прецедентными становятся и иллюстрации, например, лингвистам хорошо известны фразы *Colourless green ideas sleep furiously* и *Flying planes can be dangerous*, используемые в работах по генеративной грамматике» [4, с. 14–15]. Знания об общепринятых, прошедших проверку временем и практикой теоретических положениях лингвистики, о ведущих подходах и направлениях на разных этапах ее развития, об авторитетных исследователях прошлого и настоящего, их идеях и широко цитируемых работах, наконец, об общих нормах проведения научных исследований и формулировании полученных результатов в текстовой форме — все эти знания составляют общий предварительный (предпосылочный) фонд профессиональных знаний. Общий фонд знаний в соответствующей предметной области обеспечивает саму возможность профессиональной научной коммуникации между представителями академического лингвистического сообщества. Не случайно поэтому у исследователей нередко возникает потребность в эксплицитных отсылках к общеизвестному фоновому знанию и его вербализации, чтобы эффективно решать текущие задачи представления и обоснования лично полученных результатов.

Сегменты прецедентного знания выявляются в ходе структурно-грамматического и контекстно-семантического анализа лингвистических текстов. При этом можно говорить о двух основных способах маркирования и интеграции прецедентного знания в базовый авторский текст: во-первых, посредством эксплицитных и, во-вторых, с помощью косвенно-эксплицитных языковых средств. В качестве прямых эксплицитных показателей прецедентности знания, формулируемого в текстовых высказываниях, выступают прежде всего наречия и синтаксические структуры разной степени сложности с семантикой известности (*bekanntlich* — Zifonun, S. 103; *bekanntermaßen* — Zifonun, S. 110), привычности (*üblicherweise* — Steinhoff, S. 11; *wie üblich* — Zifonun, S. 109), традиционности (*traditionell*; *Wie die Wissenschaftsgeschichte zeigt* — Steinhoff, S. 17), типичности (*typischerweise* — Bücking, S. 261; *Übereinstimmend wird angenommen* — Egbert, S. 15), нормативности (*normativ formuliert* — Steinhoff, S. 2), всеобщности (*generell* — Hennig, S. 419), распространенности (*verbreitet* — Steinhoff, S. 7) и другие. Поскольку по своей функции такие языковые показатели выражают авторскую оценку достоверности сообщаемой информации, ее эпистемологический статус в системе дисциплинарного знания и актуализируют тем самым теоретическую позицию автора-исследователя в текущем тематическом дискурсе, то они должны быть отнесены к категории «эпистемических модальных компонентов». (Об эпистемической модальности и средствах ее выражения см. подробнее: [7].) Например:

- (1) ***Bekanntlich** ist das Konstruktionsmuster im Deutschen nicht nur durch Entlehnung präsent, sondern ebenso im nativen Wortschatz, sowohl, was native nominale Basen angeht als auch die Ableitungssuffixe* (Zifonun, S. 103). — «Как известно, в немецком языке модели конструкций (с относительными прилагательными. — С. Н.) представлены благодаря не только заимствованиям, но и в равной мере исконному словарю, в отношении как именных производящих основ, так и словообразовательных суффиксов».

Приведенный текстовый фрагмент открывает в статье Г. Цифонун, посвященной в целом формально-грамматическому варьированию построений с относительными прилагательными в современном немецком языке, раздел под названием «Исконные структуры и интерференция». В нем формулируется общеизвест-

ное положение морфологии о двух типах грамматических моделей формообразования относительных прилагательных в немецком языке: 1) моделях, калькированных из латыни с участием исконно немецких основ и суффиксов, например *spirit + alis* → *atum + lih* (пример Г. Цифонун) и 2) моделях исконно германских (субстантивные конструкции с генитивным и предложным атрибутом, композиты). Эксплицитная отсылка к общеизвестным фоновым знаниям осуществляется здесь с помощью модально-эпистемического компонента *bekanntlich*.

Косвенно-эксплицитной формой апелляции автора-исследователя к прецедентному лингвистическому знанию являются обозначения всем известных лингвистических теорий и подходов, имена языковедов и названия их работ. Хотя в языковой структуре лингвистических текстов такие сигналы прецедентности выступают в видимой, материализованной форме, они представляют собой опосредованный способ выражения прецедентности, так как требуют от адресата дополнительного мыслительного шага в процессе интерпретации и отождествления сообщаемого с общеизвестным знанием. По сути, здесь имеет место косвенная номинация прецедентного знания на основе метафоро-метонимического замещения обозначаемого через имя собственное лица и/или наименование продукта его интеллектуальной деятельности. Например:

- (2) *Ich zähle diese Formen (die verfasserreferentiellen Formen. — С. Н.) zur „Alltäglichen Wissenschaftssprache“ (AWS). Dieser Begriff stammt von Konrad Ehlich (z. B. 1993). Zur AWS rechnet Ehlich (ebd., 33) „die fundamentalen sprachlichen Mittel <...>, derer sich die meisten Wissenschaften gleich oder ähnlich bedienen“. Damit lenkt er die Aufmerksamkeit auf die in der Fachsprachen- und Wissenschaftslinguistik bis dato vernachlässigten <...> Ausdrucks- und Konstruktionsmuster der Wissenschaftssprache (Steinhoff, S. 6). — «Эти формы (формы авторизации. — С. Н.) я причисляю к „общепринятому языку науки“ (ОЯН). Данное понятие принадлежит Конраду Элиху (см., напр., работу 1993 года). К ОЯН Элих (там же, с. 33) относит „важнейшие языковые средства <...>, которые большинство наук использует одинаково или сходно“. Тем самым он обращает внимание на средства и модели построения этих средств в языке науки, которыми до сих пор пренебрегали в лингвистике профессиональных языков и лингвистике научной речи».*

В данном текстовом фрагменте из статьи Торстена Штайнхоффа актуализируется сегмент прецедентного знания о так называемом «общепринятом языке науки» — операционном понятии, активно используемом современными лингвистами при описании языка науки. Можно сказать, что на настоящий момент данное понятие и его трактовка уже вошли в систему базового фонового знания лингвистики научной коммуникации. Средствами косвенного указания на прецедентность формулируемой научной информации здесь служат общеизвестный в лингвистической дисциплине термин, имя ученого, который ввел этот термин в научный оборот лингвистики научной речи, ссылка на научную работу, в которой впервые вводится термин, а также прямая цитата с трактовкой данного термина.

Представленное выше краткое рассмотрение текстовых извлечений (1) и (2) с прецедентными структурами лингвистического знания вне их связи с целостным процессом научной аргументации, в который они, конечно же, включены, порождает закономерный вопрос: зачем писать о том, что и так всем специалистам известно? Логично предположить, что обращение автора-исследователя к прецедентному знанию обусловлено прагматически и не является случайным. Актуализация в сознании потенциальных адресатов общеизвестных сведений в соответствующей предметной области лингвистики может служить, как это показано в следующем разделе настоящей статьи, весьма разным целям.

4. Стратегии подключения прецедентного знания к аргументации

Частые ссылки на прецедентное знание в лингвистических работах мотивированы как общими дискурсивными нормами научной деятельности, так и текущими стратегическими задачами конкретных исследователей. С одной стороны, прямое включение в авторский текст фрагментов прецедентного лингвистического знания и/или косвенная их актуализация в сознании реципиента соответствуют основополагающим принципам коммуникации в науке — преемственности и поступательности в разработке научных проблем. Поэтому опора на устоявшееся знание, принимаемое большинством специалистов в той или иной предметной области, выглядит вполне закономерным в практике проведения научных

исследований. С другой стороны, научные тексты призваны фиксировать новый результат. Поэтому фрагменты общеизвестного и традиционного для научной дисциплины знания кажутся малоинформативными и избыточными. Действительный вклад таких фрагментов знания в тематический дискурс следует искать, как представляется, не на уровне информационной, а на уровне прагматической структуры текста. Прецедентные эпистемические структуры становятся исходной фоновой базой для интеграции исследователя в текущий тематический дискурс, идентификации с профессиональным лингвистическим сообществом и продвижения на этой платформе собственной теоретической позиции. Как показывает проведенный анализ 15 научно-исследовательских журнальных статей и 4 статей в сборниках научных трудов на немецком языке общим объемом 392 печатных страницы, что составляет около 10 тысяч текстовых предикаций², в обследованных лингвистических текстах выделяются следующие основные типы коммуникативных стратегий апелляции автора-исследователя к прецедентному знанию.

4.1. Стратегия оспаривания валидности прецедентного знания

Прецедентное знание обычно активно используется в соответствующей предметной дисциплине. В целом ряде проанализированных контекстов, однако, исследователи выражают свое несогласие с традиционными, сложившимися в ходе истории изучения того или иного научного объекта представлениями и общеизвестными положениями. Подвергая по ходу аргументации устоявшиеся утверждения критике, исследователи тем самым ставят под сомнение их обоснованность и дальнейшую применимость в лингвистическом анализе. Например:

- (3) *In den bisherigen Studien wird davon ausgegangen, die typische Stellung von 'übrigens' sei am Satzanfang im Vor-Vorfeld oder im Vorfeld...* (Altmann 1981, Thim-Mabrey 1985, s. a. 1984, 1988, Auer 1991, Schanen 1993). <...> *Um diese Frage zu beantworten, unter-*

² Вслед за В. Г. Адмони и Харальдом Вайнрихом под текстовой предикацией понимается двухкомпонентная текстовая структура, воплощающая динамическое развертывание пропозиционального содержания текста и состоящая из предикативно определяемого компонента (субъекта) и предизируемого признака (предиката) [1, с. 14; 21, S. 183].

suchte ich ein Datenkorpus von 25 Stunden Aufnahmen gesprochener Alltagssprache und fand 26 Belege für 'übrigens', davon 24 im Mittelfeld, und zwar alle im Verb-Zweit-Satz vom Typ Aussagesatz. Das obige Datensegment erweist sich somit als prototypisches Beispiel (Egbert, S. 1–2). — «В прежних исследованиях исходят из того, что типичной позицией übrigens является пред-предполье или предполье в самом начале предложения... (Altmann 1981, Thim-Mabrey 1985, s. a. 1984, 1988, Auer 1991, Schanen 1993). <...> Чтобы ответить на этот вопрос, я обследовала корпус данных из записей устной разговорной речи продолжительностью в 25 часов и обнаружила 26 употреблений übrigens, из них 24 в серединной позиции, а именно: все употребления — в повествовательном предложении с личной формой глагола на втором месте. Тем самым названный выше сегмент данных демонстрирует прототипический пример реализации»;

- (4) <...> *In den bisherigen Studien wird angenommen, 'übrigens' zeige einen plötzlichen Themenwechsel, einen Gedankensprung oder eine Abschweifung an* (von Roncador/Bublitz 1979: 285, Altmann 1981: 89, Thim-Mabrey 1985: 92, Helbig 1988: 225, Paul 1992: 928). *Dieses kann für 'übrigens' im Mittelfeld nicht als Muster bestätigt werden. Vielmehr scheinen Sprecher/innen es einzusetzen, um gemeinsames Vorwissen zu aktivieren* (Egbert, S. 2). — «<...> В прежних исследованиях принимается также, что übrigens указывает на неожиданную смену темы, резкий поворот в мыслях или отклонение от темы (von Roncador/Bublitz 1979: 285, Altmann 1981: 89, Thim-Mabrey 1985: 92, Helbig 1988: 225, Paul 1992: 928). Эта функция не подтверждается для übrigens в серединной позиции как типичная. Говорящие, скорее, как кажется, стремятся к тому, чтобы активизировать общие предварительные знания».

Приведенные текстовые фрагменты (3) и (4) являются извлечениями из второго и четвертого абзаца введения (Einleitung) к статье Марии Эгберт, посвященной изучению синтаксического местоположения и функции *übrigens* в немецких предложениях диалогической спонтанной речи. Жирным шрифтом в них выделено формулирование прецедентных сведений о данной языковой единице. На прецедентный статус сообщаемого указывается эксплицитно в предваряющей матричной структуре со смысловым центром, реферирующим к прежним исследованиям (*in den bisherigen Studien*). В обоих случаях прецедентность данных высказываний

обосновывается, кроме того, развернутой ссылкой на работы предшественников, в которых представлена общепринятая теоретическая позиция. При этом в непосредственно следующих за формулировкой прецедентного знания высказываниях последовательно реализуется коммуникативная стратегия несогласия автора-исследователя с общепринятой точкой зрения о типичной синтаксической позиции (фрагмент (3)) и о ведущей функции *übrigens* в диалогических высказываниях (фрагмент (4)). Несогласие выражается во фрагменте (3) через контекстуальное противопоставление полученных М. Эгберт новых данных о *übrigens* общеизвестным сведениям, а в (4) — благодаря прямому их опровержению в высказывании с включением эксплицитного отрицания.

4.2. Стратегия фокусирования личного вклада на фоне прецедентного знания

В научной аргументации широко представлены ситуации, когда прецедентное знание используется автором-исследователем в качестве теоретического фона для выделения личного вклада в изучаемую проблему. Данная коммуникативная стратегия коррелирует с типичной логической структурой аргументации, включающей три последовательно сменяющих друг друга этапа: формулирование прецедентного знания — его критическую оценку — предложение автором новых решений. С прагматической точки зрения данную модель аргументации можно квалифицировать как одну из наиболее эффективных, так как она позволяет автору-исследователю намеренно создавать и — что особенно важно — контролировать коммуникативное напряжение и ожидания в общении с потенциальным адресатом. При этом этап критики и ревизии устоявшегося знания лежит в основании «интриги» в инсценируемом научном диалоге ученого с коллегами по цеху. Отрицание общеизвестного и общепринятого стимулирует у воспринимающего возникновение ожиданий дальнейшей текстовой информации и одновременно расчищает место для коммуникативно значимой, новой информации.

Так, в самом начале своей статьи о немецких предложениях ирреального сравнения Себастьян Бюкинг обращается к новейшей истории их изучения и суммирует широко принятые в немецкой германистике сведения об этих структурах, ссылаясь на целый ряд работ современных немецких лингвистов:

(4) *Hypothetische Vergleichssätze (= HVs) im Deutschen* (vgl. u. a. Kaufmann (1973), Kasper (1987), Oppenrieder (1991), Bergerová (1997), Hahnemann (1999), Thurmair (2001), Eggs (2006), Fabricius-Hansen (2007), Jäger (2010), Pauly (2013), Demske (2014)) *kommen in vier kanonischen Strukturvarianten vor: 'als' kann mit 'wenn', 'ob' und initialer Verbstellung (= V1) kombiniert werden, vgl. (1), während 'wie' allein mit 'wenn' auftritt, vgl. (2).*

(1) *Hanno fährt Fahrrad, a. als wenn er betrunken wäre. b. als ob er betrunken wäre. c. als wäre er betrunken.*

(2) *Hanno fährt Fahrrad, a. wie wenn er betrunken wäre. b. *wie ob er betrunken wäre. c. *wie wäre er betrunken.*

Typischerweise *modifizieren HVs den jeweiligen Matrixsatz modal...* (Bücking, S. 262).

«Предложения ирреального сравнения (= HVs) в немецком языке (ср., среди прочего, Kaufmann (1973), Kasper (1987), Oppenrieder (1991), Bergerová (1997), Hahnemann (1999), Thurmair (2001), Eggs (2006), Fabricius-Hansen (2007), Jäger (2010), Pauly (2013), Demske (2014)) выступают в четырех канонических структурных вариантах: *als* может комбинироваться с *wenn*, *ob* и вводить придаточные предложения с финитной формой предиката в инициальной позиции, ср. (1), тогда как *wie* используется только вместе с *wenn*, ср. (2) (примеры (1) и (2) см. в переводимом немецком тексте. — С. Н.).

Обычно предложения ирреального сравнения модифицируют соответствующее матричное предложение в модальном отношении...»

Прецедентность информации о немецких предложениях ирреального сравнения маркируется в приведенном выше текстовом извлечении прямо, через модально-эпистемический компонент *typischerweise*, а также косвенным образом, через ссылки на многочисленные работы современных немецких лингвистов по обсуждаемой теме. К формулировке устоявшихся в функциональной грамматике сведений о данных структурах непосредственно примыкает абзац, в котором С. Бюкинг подвергает критике общепринятое мнение. Критика выражается при помощи высказываний с включением эксплицитного и имплицитного отрицания, создающего текстовые смыслы недостаточности, неполноты и отсутствия; ср.:

- (6) *Allerdings sind theoretisch geleitete explizite Analysen... Mangelware. Nicht zufällig fehlt meines Erachtens immer noch eine überzeugende Erklärung für den markanten wie/als-Kontrast. <...> Wie zu zeigen sein wird, greift dabei Jägers (2010) Ansatz... zu kurz. <...> diskutiert Demske keine wie-HVs und klärt damit auch nicht den Kontrast zu 'als' (Bücking, S. 263).* — «Впрочем, теоретически основательный, эксплицитный анализ является дефицитным. Не случайно все еще отсутствует, по моему мнению, убедительное объяснение ярко выраженного различия структур с *wie* и *als* <...>. Как будет показано, подход Егера (2010) недостаточно глубокий. <...> Демске вообще не обсуждает предложения ирреального сравнения с *wie* и не объясняет поэтому их отличия от сопоставимых с *als*».

В заключительном абзаце рассматриваемого раздела статьи вербализован завершающий этап аргументации. Здесь С. Бюкинг формулирует свои собственные предложения по дальнейшему изучению предложений ирреального сравнения с *wie* и *als*, которые позволят, с его точки зрения, восполнить существующие пробелы. По сути, в этой части работы автор-исследователь впервые представляет адресату лично полученный, новый результат на фоне сложившегося в германистике прецедентного знания.

4.3. Стратегия адаптации прецедентного знания

Определенная часть прецедентного знания, как это было отмечено выше, является знанием аксиоматическим и формирует «эпистемическую платформу» для проведения частных исследований в той или иной лингвистической дисциплине. Так, некоторые разработанные в прошлом лингвистические теории, подходы к анализу языковых феноменов, операционные теоретические понятия могут сохранять свою актуальность и объяснительный потенциал на протяжении весьма длительного времени. Как стабилизированное, прецедентное знание они могут использоваться в современных лингвистических работах и даже составлять методологическую основу проводимого лингвистического анализа. Например:

- (7) *In Anlehnung an die Theorie der „construction grammar“ (Fillmore/Kay/O'Connor 1988) kann dieses Muster (das Muster von begriffsbildenden Textprozeduren. — С. Н.) als eine „grammatical construction“ verstanden werden, d. h. als eine (weiter zerlegbare und strukturier-*

bare) syntaktische Konstruktion, die einen konventionalisierten semantisch-pragmatischen Mehrwert aufweist (Steinhoff, S. 18). — «Следуя теории „грамматики конструкций“ (Fillmore/Kay/O'Connor 1988), эту модель построения (модель экспликации процедуры определения понятия. — С. Н.) можно трактовать как „грамматическую конструкцию“, т. е. как далее разложимую и членимую структуру, которая обнаруживает конвенционализированное приращение семантико-прагматического смысла»;

- (7) *Wie bereits an der verwendeten Terminologie erkennbar ist, nutzt diese Studie die Erkenntnisse der syntaktischen Feldertheorie (Drach 1963, Boost 1955, Abraham 1992, Engel 1970, 1972, 1977, Haftka 1981, Reis 1980, sowie v. a. m.). Demnach lässt sich der deutsche Satz als eine Einheit ansehen, welche aus einer Folge von Feldern besteht. Grundlegend dabei ist die Stellung des finiten Verbs... (Egbert, S. 3).* — «Как это уже видно по используемой терминологии, в данном исследовании находят применение достижения синтаксической теории полевых структур (Drach 1963, Boost 1955, Abraham 1992, Engel 1970, 1972, 1977, Haftka 1981, Reis 1980, а также многие другие). В соответствии с этой теорией немецкое предложение можно рассматривать как целостную структуру, которая состоит из последовательности полей. При этом основополагающим является местоположение финитного глагола...»

В текстовых фрагментах (7) и (8) авторы соответствующих лингвистических статей используют стратегию адаптации прецедентных теорий для своих частных исследований. При описании функционального потенциала высказываний с предикатами *bezeichnen als, betrachten als, setzen mit* и подобными в контекстах научной коммуникации Торстен Штайнхофф опирается на «грамматику конструкций» (фрагмент (7)) — особое направление когнитивной семантики, получившее популярность в начале 2000-х годов. Основной теоретический постулат «грамматики конструкций», как известно, сводится к тому, что у большинства грамматических конструкций общее значение не сводится к сумме выделяемых значений составляющих частей, а представляет собой особое, конвенционально закрепленное узусом употребления надстоящее значение. Это положение «грамматики конструкций» Т. Штайнхофф использует, чтобы обосновать общее функциональное назначение рассматриваемых высказываний, выражающих коммуникативно-речевые действия (процедуры) дефиниционного определения понятий.

В статье М. Эгберт (фрагмент (8)) задействована известная всем германистам синтаксическая теория полевых структур в анализе синтаксической позиции слова *übrigens*.

4.4. Стратегия стимулирования научной дискуссии на базе прецедентного знания

Прецедентное знание становится в ряде контекстов профессиональной коммуникации удобной стартовой площадкой для развертывания научной дискуссии. В некотором смысле условия реализации обсуждаемой здесь коммуникативной стратегии сближаются с осуществлением стратегии выделения личного результата на фоне прецедентного знания, рассмотренной в разделе 4.2. Вместе с тем здесь имеются и некоторые отличия. Так, автор-исследователь не подвергает критике и не опровергает обоснованность прецедентного знания. Он, напротив, принимает соответствующие общеизвестные положения, но стремится осмыслить их в новом теоретическом контексте и на новом эмпирическом материале. Тем самым прецедентное знание выступает исходным пунктом для дальнейшего научного анализа объекта в рамках тематического дискурса. Например:

- (9) *Üblicherweise wird angenommen, dass der ersten Person Singular die deiktische Funktion eines Sprecherverweises zukommt (vgl. DUDEN 1998, 330). Nach Bühler (1978/1934, 107) ist das 'ich' ein „Grundzeitwort“, das die Funktion einer sprachlichen „Individualmarke“ hat. In der Domäne der Wissenschaftskommunikation wird mit dem 'ich' jedoch — genau betrachtet — nicht auf den Sprecher/Schreiber oder das Individuum an sich verwiesen. <...> Ich möchte... zeigen, dass sich in Wissenschaftstexten verschiedene Ich-Typen nachweisen lassen, denen bestimmte Rollen des Schreibers korrespondieren (Steinhoff, S. 11–12). — «Принято считать, что первому лицу единственного числа соответствует дейктическая функция указания на говорящего (ср. DUDEN 1998, 330). По Бюлеру (1978/1934, 107), „я“ — это центральное указательное слово, которое имеет функцию „индивидуальной метки“. В сфере научной коммуникации, однако, с помощью „я“ — собственно говоря — не указывается на говорящего/пишущего или индивида как такового. <...> Я хотел бы показать, что в научных текстах можно выявить разные типы „я“, с которыми корреспондируют определенные роли пишущего (создателя текста. — С. Н.)».*

В данном фрагменте из статьи Т. Штайнхоффа речь идет о семантико-номинативной функции личного местоимения 1-го лица единственного числа «я». Ни у кого из языковедов не вызывает возражений общеизвестный факт, что «я» всегда отсылает к автору высказывания — к говорящему или пишущему. Это аксиоматическое положение принимает и Т. Штайнхофф. Вместе с тем в разных контекстах научной аргументации автор устного или письменного текста может принимать на себя различные актуальные роли: автора-исследователя, автора-наблюдателя, автора — создателя текста и так далее. Принимаемое прецедентное знание выступает, таким образом, здесь как стимул для продолжения научной дискуссии и переосмысления устоявшегося знания.

5. Заключение

В результате проведенного лингвистического анализа тематических дискурсов по проблемам коммуникативно-функциональной грамматики и лингвопрагматики выявлены основные типы языковых средств эксплицитного и косвенно-эксплицитного маркирования прецедентных структур знания в немецкоязычных научных статьях. Эксплицитные средства (наречия и синтаксические структуры с семантикой известности, нормативности, типичности и так далее) сигнализируют о теоретической позиции автора-исследователя в соответствующем тематическом дискурсе, его оценку эпистемического статуса сообщаемой информации и квалифицируются как особая подгруппа языковых элементов в категории модально-эпистемических компонентов. Косвенно-эксплицитные средства прецедентности (имена авторитетных лингвистов, названия научных работ, лингвистических направлений и подходов, общеизвестные термины специальных лингвистических дисциплин и другие) трактуются как косвенный способ указания на прецедентность сообщаемой информации, активизирующий в сознании воспринимающего общие фоновые знания в соответствующей предметной области.

В ходе контекстно-семантического и лингво-эпистемического анализа сегментов знания, воплощенных в обследованных научных статьях, установлена роль прецедентного знания в структуре научной аргументации. Смысловые отношения общеизвестного/общепринятого знания с гипотетическим, еще не подтвержден-

ным лингвистическим сообществом знанием, в котором фиксируются новые аспекты, свойства и функции объектов, рассматриваются как их диалогическое взаимодействие. Диалог «известного» с «новым» становится в научной коммуникации автора-исследователя со своими коллегами незаменимым прагматическим инструментом, который позволяет ему эффективно осуществлять текущие задачи в разворачивающемся аргументативном процессе: стимулировать продолжение научной дискуссии, актуализировать свой личный вклад в изучаемую проблему, проводить ревизию или уточнение устоявшихся сведений об объекте в новом теоретическом контексте и в опоре на новые эмпирические факты, демонстрировать актуальность и востребованность прецедентного знания или же, напротив, оспаривать его достоверность. Это всегда заочный и коммуникативно напряженный диалог конкретного исследователя с представителями профессионального сообщества специалистов, с которыми он себя идентифицирует.

Источники иллюстративного материала и сокращения

Bücking — *Bücking*, S. Zur Syntax hypothetischer Vergleichsätze im Deutschen // *Zeitschrift für germanistische Linguistik*. 2015. Bd. 43, Nr. 2. S. 261–305.

Egbert — *Egbert*, M. Syntaktische Merkmale von *übrigens* in der Hauptposition: im Mittelfeld des Verb-Zweit-Satzes // *Zeitschrift für germanistische Linguistik*. 2002. Bd. 30. S. 1–22.

Steinhoff — *Steinhoff*, T. Zum ich-Gebrauch in Wissenschaftstexten // *Zeitschrift für germanistische Linguistik*. 2007. Bd. 35. S. 1–26.

Zifonun — *Zifonun*, G. Relationale Adjektive — ein „klassisches“ Muster im europäischen Vergleich // *Deutsche Sprache*. 2011. Jg. 9, H. 2. S. 98–112.

Литература

1. Адмони, В. Г. О предикативности // *Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. Ф-т иностр. языков*. 1957. Т. 28, вып. 2. С. 23–44.

2. Баженова, Е. А. Научный текст в аспекте политекстуальности. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2001. 269 с.

3. Ильин, В. В. Критерии научности знания: монография. М.: Высшая школа, 1989. 128 с.

4. Карасик, В. И. О типах дискурса // *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. трудов*. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.

5. *Карасик, В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гно-сис, 2004. 390 с.
6. *Котюрова М. П., Баженова Е. А.* Культура научной речи: текст и его редактирование: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Флинта; Наука, 2008. 280 с.
7. *Нефёдов, С. Т.* Коммуникативная модальность и эпистемические модальные компоненты в немецком языке (синхрония и диахрония) / под ред. К. А. Филиппова. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. 201 с.
8. *Нефёдов, С. Т.* Императивы как инструмент диалогизации научного текста // Научное мнение: науч. журнал / С.-Петербур. университетский консорциум. СПб., 2015. № 9-1. С. 9–18.
9. *Нефёдов, С. Т.* Функциональный потенциал вопросительных структур в научных лингвистических текстах // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Серия 2. Языкознание. 2015. № 4 (28). С. 65–74.
10. *Нефёдов, С. Т.* Рестриктивная аргументация: модальные слова сомнения и общезначимости (на материале немецкоязычных лингвистических статей) // Вестник С.-Петербур. ун-та. Язык и литература. 2017. Т. 14, вып. 4. С. 599–610, <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2017.408>.
11. *Чернявская, В. Е.* Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие. М.: Либроком, 2009. 248 с.
12. *Чернявская, В. Е.* Прошлое как текстовая реальность: методологические возможности лингвистического анализа исторического нарратива // Вестник Томск. гос. ун-та. Филология. 2015. № 3 (41). С. 76–86.
13. *Чернявская, В. Е.* Выдвижение нового знания в структуре публикации (на материале научно-исследовательской статьи по лингвистике) // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2017. № 5. С. 99–107.
14. *Чернявская, В. Е.* Научный текст. Выдвижение результата как коммуникативная и языковая проблема. М.: Ленанд, 2017. 144 с.
15. *Busse, D., Teubert, W.* Ist Diskurs ein sprachliches Objekt? Zur Methodenfrage der historischen Semantik // Begriffsgeschichte und Diskursgeschichte. Methodenfragen und Forschungsergebnisse der historischen Semantik / hrsg. von D. Busse, F. Hermanns, W. Teubert. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1994. S. 10–28.
16. *Givón, T.* Context as Other Minds. The Pragmatics of Society, Cognition and Communication. Amsterdam: Benjamins, 2005. 283 p.
17. *Gumperz, J. J.* Sharing Common Ground // Soziale Welten und kommunikative Stile. Festschrift für Werner Kallmeyer zum 60. Geburtstag / hrsg. von I. Keim, W. Schütte. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2002. S. 47–55.
18. *Hyland, K.* Disciplinary Identities. Individuality and Community in Academic Discourse. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 236 p.
19. *Jiang, F., Hyland, K.* Nouns and Academic Interactions. A Neglected Feature of Metadiscourse // Applied Linguistics. 2018. Vol. 39, issue 4. P. 508–531.

20. Spitzmüller, J., Warnke, I. H. Diskurslinguistik. Eine Einführung in Theorien und Methoden der transtextuellen Sprachanalyse. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2011. 236 S.

21. Weinrich, H. Textgrammatik der deutschen Sprache. 4., revidierte Aufl. Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag, 2007. 1111 S.

22. Weize, M.-D., Heckl, W. M. Wissenschaftskommunikation — Schlüsselideen, Akteure, Fallbeispiele. Berlin; Heidelberg: Springer Verlag, 2016. 303 S.

References

1. Admoni, V. G. About Predicativeness. *Uchen. zap. Leningr. ped. in-ta. F-t inostr. iazykov*, 1957, vol. 28, issue 2, pp. 23–44. (In Russian)

2. Bazhenova, E. A. *Scientific Text in the Aspect of Polytextuality*. Perm, Izd-vo Perm. gos. un-ta Publ., 2001, 269 p. (In Russian)

3. Il'in, V. V. *Criteria for the Scientific Knowledge: Monograph*. Moscow, Vysshaia shkola Publ., 1989, 128 p. (In Russian)

4. Karasik, V. I. On Types of Discourse. *Iazykovaia lichnost': institutsional'nyi i personal'nyi diskurs: sb. nauch. trudov*. Volgograd, Peremena Publ., 2000, pp. 5–20. (In Russian)

5. Karasik, V. I. *Language Circle: Personality, Concepts, Discourse*. Moscow, Gnosis Publ., 2004, 390 p. (In Russian)

6. Kotiurova M. P., Bazhenova E. A. *The Culture of Scientific Language: Text and Its Editing: Handbook*. 2nd ed., revis. and add. Moscow, Flinta Publ.; Nauka Publ., 2008, 280 p. (In Russian)

7. Nefedov, S. T. *Communicative Modality and Epistemic Modal Components in German (Synchrony and Diachrony)*, ed. by K. A. Filippov. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta Publ., 2007, 201 p. (In Russian)

8. Nefedov, S. T. Imperatives as a Tool for the Dialogization of Scientific Text. 2015, no. 9–1, pp. 9–18. (In Russian)

9. Nefedov, S. T. On Functional Potential of Interrogative Structures in Academic Linguistic Discourse. *Vestnik Volgograd. gos. un-ta. Seriya 2. Iazykoznanie*, 2015, no. 4 (28), pp. 65–74. (In Russian)

10. Nefedov, S. T. Restrictive Argumentation: Modal Words of Doubt and Shared Knowledge in Academic Linguistic Writings. *Vestnik S.-Peterb. un-ta. Iazyk i literatura*, 2017, vol. 14, issue 4, pp. 599–610. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2017.408>. (In Russian)

11. Cherniavskaia, V. E. *Text Linguistics: Poly-codedness, Intertextuality, Interdiscursivity: Handbook*. Moscow, Librokom Publ., 2009, 248 p. (In Russian)

12. Cherniavskaia, V. E. Historical Past as a Textual Reality: A Linguistic Approach in Historical Narrative and Its Methodological Implementation. *Vestnik Tomsk. gos. un-ta. Filologiya*, 2015, no. 3 (41), pp. 76–86. doi 10.17223/19986645/41/7. (In Russian)

13. Cherniavskaia, V. E. Promoting of New Scientific Knowledge in Research Paper in Linguistics. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly*, 2017, no. 5, pp. 99–107. doi 10.20339/PhS.5-17.099. (In Russian)

14. Cherniavskaia, V. E. Scientific Text: The Promoting of the Result as a Communicative and Language Problem. Moscow, Lenand Publ., 2017, 144 p. (In Russian)

15. Busse, D., Teubert, W. Ist Diskurs ein sprachliches Objekt? Zur Methodenerfrage der historischen Semantik. *Begriffsgeschichte und Diskursgeschichte. Methodenfragen und Forschungsergebnisse der historischen Semantik*, ed. by D. Busse, F. Hermanns, W. Teubert. Opladen, Westdeutscher Verlag, 1994, pp. 10–28.

16. Givón, T. *Context as Other Minds. The Pragmatics of Society, Cognition and Communication*. Amsterdam, Benjamins, 2005, 283 p.

17. Gumperz, J. J. Sharing Common Ground. *Soziale Welten und kommunikative Stile. Festschrift für Werner Kallmeyer zum 60. Geburtstag*, ed. by I. Keim, W. Schütte. Tübingen, Gunter Narr Verlag, 2002, pp. 47–55.

18. Hyland, K. *Disciplinary Identities. Individuality and Community in Academic Discourse*. Cambridge, Cambridge University Press, 2012, 236 p.

19. Jiang, F., Hyland, K. Nouns and Academic Interactions. A Neglected Feature of Metadiscourse. *Applied Linguistics*, 2018, vol. 39, issue 4, pp. 508–531.

20. Spitzmüller, J., Warnke, I. H. *Diskurslinguistik. Eine Einführung in Theorien und Methoden der transtextuellen Sprachanalyse*. Berlin; Boston, Walter de Gruyter, 2011, 236 p.

21. Weinrich, H. *Textgrammatik der deutschen Sprache*. 4th ed., revis. Hildesheim; Zürich; New York, Georg Olms Verlag, 2007, 1111 p.

22. Weize, M.-D., Heckl, W. M. *Wissenschaftskommunikation — Schlüsselideen, Akteure, Fallbeispiele*. Berlin; Heidelberg, Springer Verlag, 2016, 303 p.

Нефёдов Сергей Трофимович

профессор кафедры немецкой филологии СПбГУ, доктор филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Sergey T. Nefedov

Professor of German Philology Department,
St. Petersburg State University, Doctor of Philological Sciences
Address: 7–9, University emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: s.nefedov@spbu.ru

SPIN-код: 1464-4148; ResearcherID: J-9445-2015; ID Scopus: 57211543207; ORCID: 0000-0002-0719-7702